

ЧАСТЬ 1. КОНФЛИКТНАЯ "ОТТЕПЕЛЬ" (1953-1960 ГГ.)

Глава 1. Ящик Пандоры: конфликтный опыт Гулага

1. Ген «антигосударственности»

Волна массовых волнений, накрывшая Гулаг на рубеже 1940-1950-х гг. и достигшая апогея после смерти Сталина, не только нанесла удар по "рабскому укладу" советской экономики, поставив под угрозу строительство и эксплуатацию важнейших народно-хозяйственных объектов (железные и шоссейные дороги, каналы и шлюзы, гидроэнергетика, освоение месторождений, добыча и первичная переработка полезных ископаемых, лесозаготовки, строительство военных объектов в климатически неблагоприятных зонах и т.д.), но и пошатнула социальную стабильность и политическую устойчивость режима. Система, предназначенная для борьбы с социальными болезнями и защиты общества, в конечном счете, превратилась в угрозу существованию общества. С конца 1940-х гг. Гулаг как важная часть государственной машины начал в катастрофических размерах воспроизводить то, что можно назвать геном «антигосударственности».

Восстания, неповиновения и бунты наглядно показали руководству страны, что Гулаг как пережиток советской мобилизационной экономики эпохи форсированной индустриализации выпал из времени, превратился в заповедник сталинизма и профессиональной преступности. Учитывая быструю ротацию заключенных в лагерях и колониях (600-700 тысяч человек в год), и систематический обмен населением между Гулагом и «большим социумом» можно предположить существование прямой связи между выступлениями в лагерях и «хулиганской войной» против власти, вспышкой массовых беспорядков и городских бунтов в СССР во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. Среди активных участников этих событий можно было встретить немало людей с лагерным прошлым. Зачинщики городских волнений воспроизводили как типичные схемы заурядных лагерных волынок, так и сложные модели политических протестных выступлений заключенных особых лагерей. Сравнительный анализ способов действия организаторов массовых беспорядков на воле и за колючей проволокой, а также сопоставление их социального профиля и *modus operandi* свидетельствуют об определенной взаимосвязи и даже типологической близости этих явлений.

Все массовые выступления и протесты заключенных, взятые в контексте сталинской модели социализма, были, в конечном счете, ударом по порядку управления и подрывали устои всей системы в целом. Неважно, в данном случае, насколько сознательно формулировали эту цель участники выступлений, если формулировали вообще. Неважно даже, насколько объективная направленность выступления отвечала субъективным представлениям и стремлениям участников волнений, в какой мере совпадали, если совпадали, личные планы зачинщиков и организаторов беспорядков и тех, кто был лишь пассивным участником событий, бунтовщиком поневоле. Главное, что по меркам советского уголовного кодекса и в соответствии со сталинской уголовной практикой подобные действия, в конечном счете, оценивались как опасные государственные преступления, с одной стороны, и затрудняли выполнение Гулагом его важнейшей – производственной – функции, с другой. (Не удивительно, что в отчетных материалах ГУЛАГ и МВД СССР статистические сведения о лагерном бандитизме и «повстанческих проявлениях» часто объединялись в общей рубрике¹).

Организация забастовки или восстания в особом режимном лагере предполагала уникальное сочетание причин и предпосылок - политических (благоприятная внешняя ситуация – война, смена правителя или режима), организационных (наличие сплоченных неформальных групп, авторитетных руководителей и(или) организованного подполья), идеологических (осмысленные и достижимые, хотя бы гипотетически, цели и мотивы массовых действий), социально-психологических (запечатленный в групповом сознании опыт успешных протестных действий и/или действие будоражающих факторов – несправедливая смерть товарища по несчастью, превышающее лагерный «обычай» насилие в отношении узников и т.п.), наконец, физиологических - голод, истощение, болезни отбирали все силы заключенных и практически полностью исключали возможность коллективного организованного длительного и целеустремленного протеста.

1 ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп.2. Д.199. Л.393.

Иные формы протестной активности заключенных – волынки, бунты, коллективные отказы от работы или от приема пищи – представляли собой более органичную, естественную и традиционную часть лагерного быта. Для их начала не требовалось ни тщательной подготовки, ни особой идеологии, ни даже формулирования далеко идущих целей. В ряде случаев для начала массовых беспорядков вполне достаточно было острой спонтанной реакции гулаговского населения на конкретные обстоятельства лагерной жизни либо наличия организованной группы заключенных, претендующих на особую роль и привилегии в лагерном сообществе. Борьба различных лагерных группировок – политических, этнических («чечены», «кавказцы»), этнополитических (украинские и прибалтийские националисты), чисто уголовных (воры-«законники», «отошедшие», «махновцы», «беспредельники» и т.д.) за контроль над местами заключения, их столкновения друг с другом и с администрацией, коль скоро они принимали массовые формы и осознавались властями как чрезвычайные происшествия, достойны изучения и описания не меньше, чем «чистое» политическое сопротивление в лагерях.

Протесты, самозащита и борьба заключенных за коллективное выживание никогда не были и не могли быть политически и морально стерильными, хотя бессознательное игнорирование этого факта, достаточно часто встречается в историографии. Способы действия и мотивы людей, вовлеченных в орбиту таких событий, порой просто невозможно однозначно квалифицировать как «высокие» или «низменные». Но все эти события, независимо от мотивов своих «актеров» и «авторов», разрушали и разлагали Гулаг как огромный производственный организм и репрессивную машину, как сферу принудительного труда, безнадежно ретроградную, политически недолговечную, экономически неэффективную и человечески неприемлемую.